

УДК 159.923.2

DOI: 10.21702/rpj.2017.2.4

СРАВНЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЕЕ ДИНАМИКИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ, ПОДРОСТКОВ И ЛИЦ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА

Михаил Ю. Кузьмин

*Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
E-mail: mirroy@mail.ru*

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 15-36-01301

Введение. В статье рассматриваются особенности идентичности и ее динамики на выборках младшего школьного, подросткового, юношеского возраста. Автор рассматривает различные подходы к проблеме, принятые в отечественной и зарубежной психологии. Новизна исследования заключается в изучении места интегральной идентичности с малыми группами в системе идентичности у испытуемых различного возраста и связи данного компонента с кризисом идентичности.

Методы. Автор использует методики «Двадцать утверждений» М. Куна и Т. МакПартленда, и «Семантический дифференциал» Ч. Осгуда как наиболее востребованные при изучении данной проблемы.

Результаты. На выборке из 902-х испытуемых в ходе двухлетнего исследования автор показывает, что существует ряд возрастных и гендерных особенностей динамики идентичности. Показано, что в период с младшего школьного до юношеского возраста оценка себя испытуемыми вне зависимости от их пола постепенно снижается. Одновременно испытуемые все чаще описывают свою личность как «сложную». Обнаружено, что наиболее выраженными компонентами социальной идентичности у младших школьников, подростков и лиц юношеского возраста являются гендерная, семейная и профессиональная идентичности. При этом существует как гендерная, так и возрастная специфика динамики данных компонентов. Описан постепенный рост социального компонента идентичности при одновременном снижении ее личностного компонента у младших школьников и подростков. Наконец, проанализирована динамика такого компонента идентичности, как интегральная идентичность с малыми группами: у младших школьников и подростков выраженность данного компонента увеличивается, а в юношеском возрасте уменьшается.

Обсуждение результатов. Автор сравнивает полученные им результаты с работами как отечественных (А. В. Микляева, Т. В. Румянцева, В. Л. Ситников), так и зарубежных (Z. Abdukeram, Ch. Tanti) авторов. Анализируются различия в полученных результатах, обусловленные как различиями в выборках, так и подходах к изучаемой проблеме (использование трехкомпонентной модели зарубежными авторами). Делается вывод об особой роли такого компонента идентичности, как интегральная идентичность с малыми группам в динамике идентичности подростков.

Ключевые слова: идентичность, кризис идентичности, социальная идентичность, динамика идентичности, гендерная идентичность, младшие школьники, подростки, юношество

Основные положения:

- ▶ в период с младшего школьного до юношеского возраста оценка себя испытуемыми вне зависимости от их пола постепенно снижается;
- ▶ наибольшая изменчивость идентичности, измеренной при помощи методики «Семантический дифференциал», свойственна младшим школьникам;
- ▶ наибольший вес среди компонентов социальной идентичности у младших школьников, подростков и лиц юношеского возраста занимают гендерная, семейная и профессиональная идентичности;
- ▶ для младших школьников и подростков характерны возрастающий рост доли социального компонента идентичности и снижение доли личностного ее компонента;
- ▶ наибольшую динамику у младших школьников, подростков и юношей демонстрирует такой компонент идентичности, как интегральная идентичность с малыми группами.

Для цитирования: Кузьмин М. Ю. Сравнение идентичности и ее динамики у младших школьников, подростков и лиц юношеского возраста // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14, № 2. – С. 67–89.

Материалы статьи получены 25.11.2016

UDC 159.923.2

DOI: 10.21702/rpj.2017.2.4

THE COMPARISON OF IDENTITY AND ITS DYNAMICS IN JUNIOR SCHOOLCHILDREN, TEENAGERS, AND ADOLESCENTS

Mikhail Y. Kuzmin

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

E-mail: mirroy@mail.ru

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Humanitarian Science Foundation (project no. 15-36-01301)

Introduction. *The paper overviews various domestic and foreign approaches to identity and its dynamics in junior schoolchildren, teenagers, and adolescents. This paper is the first report on the place of integral identity with small groups in the identity system in the subjects of different ages, as well as the relationship between this component and an identity crisis.*

Methodology. *The study used Kuhn & McPartland's Twenty Statements Test and Charles E. Osgood's Semantic Differential.*

Results. *The results of a two-year study, which involved 902 persons, revealed a number of age and gender features of the dynamics of identity. Regardless the respondents' gender, their self-assessment gradually decreased in the period between junior school age and adolescence. At the same time, the respondents often described their personality as a "complicated" one. Gender, family, and professional identities were the most prominent components of social identity in junior schoolchildren, teenagers, and adolescents. There were both gender and age specificity of the dynamics of these components. The study described a gradual increase in the social component of identity while its personal component decreased in junior school children and teenagers. Finally, the analysis of the dynamics of the integral identity with small groups showed that this component increased in junior schoolchildren and decreased in adolescents.*

Discussion. *The study findings were compared to the results of domestic (A. V. Mikljaeva, T. V. Rumjanceva, V. L. Sitnikov) and foreign (Z. Abdukeram, Ch. Tanti) research. The differences in the results may be explained by the difference in samples, as well as the approaches to the problem (foreign authors' use a three-component model). In conclusion: the integral identity with small groups plays a special role in the dynamics of teenager's identity.*

Keywords: *identity, identity crisis, social identity, identity dynamics, gender identity, junior schoolchildren, teenagers, adolescence*

Highlights

► *Respondents' self-assessment does not depend on their gender and gradually decreases in the period between junior school age and adolescence.*

► *Junior schoolchildren demonstrated the most prominent variability of identity, measured by the Semantic Differential technique.*

► *Gender, family, and professional identities were the most prominent components of social identity in junior school children, teenagers, and adolescents.*

► *There was a gradual increase in the social component of identity while its personal component decreased in junior school children and teenagers.*

► *The integral identity with small groups demonstrated the most dynamics in junior school children, teenagers, and adolescents.*

For citation: Kuzmin M. Y. The comparison of identity and its dynamics in junior schoolchildren, teenagers, and adolescents. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2017, V. 14, no. 2, pp. 67–89 (in Russian).

Original manuscript received 25.11.2016

Введение

Изучение идентичности и ее динамики в работах современных отечественных авторов затрагивает различные аспекты данной проблемы – возрастные (исследования идентичности у младших школьников проводят А. И. Коротаева [1], Н. А. Богданова [2], Т. В. Гармаева [3], А. В. Микляева и П. В. Румянцева [4], Е. В. Беляева [5] и др.; у подростков – О. Г. Калинина, А. Б. Холмогорова [6] и др.; у юношей и девушек – А. В. Микляева [4], М. Ю. Кузьмин [7]), этнические (работы Е. В. Беляевой [5], Н. Л. Ивановой, Г. Б. Мазиловой [8]), гендерные (Н. Л. Иванова, Е. В. Кулаева [9], В. А. Перегудина [10], Н. Ю. Флотская [11] и др.) и т. д. Среди работ зарубежных авторов можно выделить работы Ф. Воррелла (Worrell), изучающего академическую (как способного или неспособного к успешному обучению) идентичность подростков из неблагополучных семей [12], Дж. Крогер (Kroger), изучающей влияние на идентичность социальных и экономических изменений на значительном (8 лет) промежутке времени [13] и др.

Однако сравнительно немного исследований направлены на изучение идентичности в целом, ее динамики в рамках сразу нескольких возрастов. Такую работу проводил В. Л. Ситников, однако она в первую очередь была направлена на изучение Я-образа ребенка [14]. Исследование В. А. Перегудиной,

где изучалась гендерная идентичность на выборке от старшего дошкольного до юношеского возраста, также посвящено только одной из разновидностей идентичности [10]. Работа О. О. Савиной касается особенностей развития идентичности у подростков и у юношей [15], хотя последние берутся только для сравнения с результатами, полученными на более старшей выборке (23–30 лет).

Среди зарубежных исследований можно отметить большую работу Z. Abdikeram и коллег, где на выборке из 982-х респондентов пяти возрастов (начиная с младшего школьного и заканчивая юношеским) сравнивались особенности развития идентичности [16]. Однако в последнем случае исследование идентичности касалось лишь личностного и социального компонентов.

Таким образом, в сравнительном отношении идентичность и ее динамика в период от младшего школьного до юношеского возраста остается недостаточно изученной.

Методы

Особенностью исследований идентичности в различных группах испытуемых является психодиагностический инструментарий. Он различается от работы к работе. Так, при изучении идентичности испытуемых одного возраста (например, младшего школьного) различными исследователями выбираются неодинаковые методики. Например, Е. В. Беляева применяла модифицированную методику М. Куна и Т. МакПартленда «Двадцать утверждений», а также модифицированную версию теста Т. Г. Стефаненко «Биполярные шкалы» [5]; Т. В. Гармаева – методику М. Куна и Т. МакПартленда «Двадцать утверждений», проективную методику «Я и другие» и методику Д. Кац и К. Брейли «Приписывание качеств» [3]; Ch. Tanti и коллеги – модернизированный вариант методики «Двадцать утверждений» [17]. Схожая картина наблюдается и при диагностике различных видов идентичности – гендерного, этнического и т. п.

Мы считаем, что использование неодинаковых методик препятствует сравнительному анализу результатов у различающихся по возрасту и полу испытуемых. Вместе с тем, обращает внимание, что ряд методик применяется фактически в каждом исследовании идентичности. Такой методикой оказывается тест «Двадцать утверждений» М. Куна и Т. МакПартленда, впервые представленный в статье «Эмпирическое изучение самооотношения» («Empirical Investigation of Self-Attitude») в 1954 г. И хотя для него так и не было разработано общепринятого способа обработки результатов, он остается востребованным как в отечественной, так и в зарубежной науке. За рубежом данная методика используется для изучения идентичности как младших школьников (например, W. S. Cockerham [18]), так и подростков (Z. Abdikeram et al. [16],

F. Worrell [12]), и испытуемых юношеского возраста (например, L. Madson & D. Trafimow [19], N. Khanlou [20]).

Кроме того, следует упомянуть методику Ч. Осгуда «Семантический дифференциал». Хотя она сравнительно редко применяется для изучения собственно идентичности в отечественной психологии (хотя такие исследования есть, например, у М. М. Абдуллаевой [21]), однако за рубежом используется довольно часто (например, в работах E. Carroll & R. Coetzer [22], J. Zevin [23]); ее универсальность и доступность для испытуемых, как указывает В. Ф. Петренко [24], позволяет использовать методику для оценки репрезентации испытуемым самого себя.

Таким образом, для сравнения идентичности и ее динамики в возрастном диапазоне от младшего школьного до юношеского возраста мы использовали методику «Двадцать утверждений» М. Куна и Т. МакПартленда (ее обработка осуществлялась при помощи авторского классификатора [7]) и методику «Семантический дифференциал». Нами была использована версия из 25 шкал. Для их обработки применялся «ключ», предложенный В. Ф. Петренко [24], и выделенные им факторы – «оценка», «активность», «упорядоченность», «сложность», «сила» [25].

Полученные данные обрабатывались при помощи дисперсионного анализа, t-критерия Стьюдента, углового коэффициента Фишера с привлечением пакета SPSS 22.

Результаты

Исследование проводилось на выборке из 902-х испытуемых, включающих испытуемых младшего школьного, подросткового и юношеского возраста (таблица 1).

Таблица 1.

Состав выборки испытуемых на первом этапе

Table 1.

The sample at the first stage

Пол Gender	Возраст Age	Младшие школьники Junior Schoolchildren	Подростки Teenagers	Юношеский возраст Adolescents	Итого Total
Мужской Male	Число	155	144	127	426
	Процент	17,10 %	15,90 %	14,00 %	47,20 %
Женский Female	Число	145	158	173	476
	Процент	16,00 %	17,50 %	19,50 %	52,80 %

Анализ состава испытуемых в выборке, представленный в таблице 1, показывает, что в исследовании приняли участие в целом равное число младших школьников, подростков и испытуемых юношеского возраста. Расхождение наблюдается на выборке испытуемых юношеского возраста и касается преобладания девушек над юношами (8%). Однако, по нашему мнению, объем каждой из возрастных групп компенсирует такого рода отклонения.

Первый этап включал анализ результатов испытуемых по методике «Семантический дифференциал» (см. таблицу 2).

Таблица 2.

**Самооценка по шкалам семантического дифференциала
у испытуемых различного возраста**

Table 2.

**Self-assessment by the Semantic Differential scales in respondents of
different ages**

Группы Groups	Оценка Assessment	Активность Activity	Упорядо- ченность Order	Сложность Complexity	Сила Intensity
Младшие школьники Junior Schoolchildren	45,97	21,23	9,75	3,22	13,22
Подростки Teenagers	44,31	20,33	9,79	4,06	12,52
Юношеский возраст Adolescents	43,74	18,9	8,73	4,8	12,37

Как следует из таблицы 2, результаты испытуемых по факторам данной методики расходятся. Так, у испытуемых младшего школьного возраста сравнительно более высокие показатели наблюдаются по таким факторам, как «оценка», «активность» и «сила». Наоборот, испытуемые подросткового возраста по сравнению с испытуемыми других возрастов имеют более выраженный фактор «упорядоченность», а испытуемые юношеского возраста – «сложность».

Вместе с тем, само по себе наличие различий еще не означает их значимости. Для установления значимых различий мы провели дисперсионный анализ полученных данных. Результаты апостериорного критерия позволили установить следующее.

Во-первых, обнаружилось, что по фактору «оценка» значимо отличаются только результаты младших школьников по сравнению с более старшими испытуемыми: разность средних ($I-J$) при апостериорных парных сравнениях у них оказалась равна 1,82 при $p < 0,039$, при сравнении с подростками, и 2,78 при $p < 0,01$, при сравнении с испытуемыми юношеского возраста. У подростков и юношей значимых различий по данному фактору не наблюдается. Также оказалось, что если у испытуемых женского пола происходит постепенное снижение данного фактора от возраста к возрасту ($t = -3,8$, $p < 0,01$), то у испытуемых мужского пола оно снижается резко к подростковому возрасту ($t = -4,9$, $p < 0,01$), а затем практически не меняется.

Во-вторых, оказалось, что по фактору «активность» значимо отличаются результаты младших школьников и испытуемых юношеского возраста: разность средних ($I-J$) при апостериорных парных сравнениях у них оказалась равна 2,51 при $p < 0,01$. Результаты подростков значимо не отличаются от результатов младших школьников. Одновременно можно говорить и о различиях по данному фактору у испытуемых различного пола: у мальчиков-подростков «активность» сравнительно возрастает ($t = 2,4$, $p < 0,05$), а у девочек-подростков данный параметр остается неизменным. Вероятно, по этой причине значимых различий по фактору активности между подростками и младшими школьниками мы не обнаружили.

В-третьих, обнаружилось, что снижение по шкале «упорядоченность» одинаково значимо между каждым из возрастов: разность средних ($I-J$) у младших школьников с подростками и юношами равна соответственно 0,6 при $p < 0,04$ и 2,18 при $p < 0,01$; у подростков и юношей – 1,58 при $p < 0,01$. При этом для испытуемых женского пола оно более характерно, чем для испытуемых мужского пола.

В-четвертых, различия по фактору «сложность» свойственны только испытуемым юношеского возраста и отличают его от всех других испытуемых: разность средних ($I-J$) с подростками равна 0,88 при $p < 0,01$, с младшими школьниками – 1,21 при $p < 0,01$.

Наконец, по фактору «сила» значимой оказывается разность средних у подростков и испытуемых юношеского возраста – 0,76 при $p < 0,03$. На наш взгляд, это может быть обусловлено неодинаковым изменением данного фактора у испытуемых различного пола: по показателю «сила» у мужчин достаточно значимо различаются только испытуемые подросткового и юношеского возрастов. Можно предположить, что эта связь обусловлена различиями в динамике данной шкалы у испытуемых различного пола. Так, у испытуемых мужского пола фактор «сила» остается практически неизменным на протяжении и младшего школьного, и подросткового возраста. Наоборот,

у испытуемых женского пола он снижается в подростковом возрасте и вновь увеличивается к юношескому.

Таким образом, анализ результатов испытуемых по факторам методики «Семантический дифференциал» обнаружил следующие особенности. Оказалось, что начиная с младшего школьного возраста такие факторы, как «оценка», «активность» и «упорядоченность», обнаруживают тенденцию к снижению. Это свойственно всем испытуемым, независимо от пола. В свою очередь, такой фактор, как «сложность», наоборот, от возраста к возрасту повышается. Кроме того, выяснилось, что существует гендерная специфика изменения самооценки. В целом, можно заключить, что с возрастом испытуемые воспринимают свою личность как все более сложную и все менее заслуживающую высокой оценки.

При повторном изучении тех же испытуемых спустя год была выявлена следующая динамика факторов (см. таблицу 3).

Во-первых, оказалось, что по сравнению с результатами, полученными годом ранее, оказались более выраженными такие факторы, как «активность» ($t = -2,07$, $p < 0,03$) и «упорядоченность» ($t = -2,44$, $p < 0,02$). То есть испытуемые стали воспринимать себя проявляющими большую активность и, одновременно, более целостными, согласованными.

Во-вторых, были обнаружены изменения факторов в зависимости от возраста испытуемых. Так, у испытуемых младшего школьного возраста обнаружилась положительная динамика по факторам «активность» ($t = -2,65$, $p < 0,01$), «упорядоченность» ($t = -2,78$, $p < 0,01$) и отрицательная по факторам «сложность» ($t = 1,98$, $p < 0,05$) и «сила» ($t = 2,31$, $p < 0,03$). То есть с возрастом младшие школьники, с одной стороны, воспринимают себя как более согласованных и активных, и, одновременно, как менее сложных и сильных. На выборке подростков не обнаружилось столь же определенной динамики, как на выборке испытуемых младшего школьного возраста. Наконец, у юношей по результатам повторного среза произошел рост фактора «активность» ($t = -3,86$, $p < 0,001$), а также снижение фактора «сложность» ($t = 2,35$, $p < 0,02$). При этом характер различий между испытуемыми младшего школьного, подросткового и юношеского возраста остается неизменным.

Получается, динамика факторов методики «Семантический дифференциал» у испытуемых различного возраста имеет следующие особенности. У младших школьников динамика факторов наибольшая и затрагивает каждый из них, исключая фактор «оценка». У подростков и юношей динамика факторов заметно ниже. Наконец, с возрастом оценка своей личности у испытуемых обнаруживает тенденцию к снижению. При этом характер различий между испытуемыми младшего школьного, подросткового и юношеского возраста по результатам второго среза остается неизменным.

Таблица 3.

Изменение самооценки испытуемых разного пола и возраста по шкалам методики «Семантический дифференциал»

Table 3.

Changing self-assessment in respondents of different ages and gender by the Semantic Differential scales

<i>Группы Groups</i>	<i>Факторы Factors</i>	<i>Оценка Assessment</i>	<i>Актив- ность Activity</i>	<i>Упорядо- ченность Order</i>	<i>Сложность Complexity</i>	<i>Сила Intensity</i>
Младшие школьники Junior School-children	Первый срез The First Section	45,97	21,23	9,75	3,22	13,22
	Второй срез The Second Section	44,651	22,1	10,39	2,93	12,14
	t-критерий t-test	-1,51	-2,65	-2,78	1,98	2,31
	p-уровень p-level	0,13	0,01	0,01	0,05	0,03
Подростки Teenagers	Первый срез The First Section	44,31	20,33	9,79	4,06	12,52
	Второй срез The Second Section	42,68	20,97	9,79	3,90	12,65
	t-критерий t-test	1,55	-1,67	0	1,33	-0,17
	p-уровень p-level	0,12	0,09	1	0,18	0,86
Юношеский возраст Adolescents	Первый срез The First Section	43,74	18,9	8,73	4,8	12,37
	Второй срез The Second Section	42,38	21,09	9,18	3,50	12,47
	t-критерий t-test	0,29	-3,86	-0,94	2,35	-0,26
	p-уровень p-level	0,77	0,001	0,34	0,02	0,79

На втором этапе мы проанализировали динамику идентичности, используя результаты испытуемых по методике М. Куна и Т. МакПартленда «Двадцать утверждений».

Во-первых, оказалось, что у младших школьников наиболее выражена личностная идентичность – на нее приходится 75 % всех ответов испытуемых. На компоненты социальной идентичности приходится только 25 % всех ответов, из которых следует выделить гендерный (6 %), деятельностный (5 %), семейный (2 %), а также идентичность с неформальными группами (2,5 %), коммуникативный (2 %) и глобальный (4 %) компоненты. На схожие результаты указывают работы А. В. Микляевой и П. В. Румянцевой [14]: у них на долю социальной идентичности пришлось 17 % ответов испытуемых.

Во-вторых, у подростков по сравнению с младшими школьниками увеличивается доля ответов, приходящихся на компоненты социальной идентичности (около 39 %). Среди них преобладают семейный (13 %), гендерный (3,8 %), учебно-профессиональный (6,4 %), а также идентичность с неформальными группами (5,3 %). На долю коммуникативного компонента приходится 5 % ответов и глобального – 2,5 %. Наконец, у них проявляется такой компонент идентичности, как этнический (3 %).

В-третьих, у испытуемых юношеского возраста доля ответов, приходящихся на социальный компонент идентичности, вновь уменьшается. Среди этих компонентов преобладают гендерный (4 %), семейный (6 %), коммуникативный (5 %). Происходит резкое снижение идентичности с неформальными группами (до 3,5 %).

Говоря о различиях, существующих между испытуемыми различного возраста, следует отметить следующие особенности. Так, при анализе возрастных различий в гендерном компоненте идентичности обнаружено, что у младших школьников он значительно выше по сравнению с подростками ($Z = 18,44$, $p < 0,01$), а у подростков – по сравнению с испытуемыми юношеского возраста ($Z = 19,35$, $p < 0,01$). Отсюда можно заключить, что именно на этих этапах гендерная идентичность трансформируется наибольшим образом, а ее общая выраженность уменьшается. Дополнительный анализ показал, что в различия по выраженности данной идентичности вносят вклад как мужчины, так и женщины. Не удалось установить значимых различий в том, какой возраст обеспечивает значимую разницу в результатах.

Наоборот, такой компонент идентичности, как учебно-профессиональная, увеличивает свою долю в системе идентичности. Хотя значимых различий по ней между младшими школьниками и подростками обнаружено не было, затем, в юношеском возрасте, выраженность учебно-профессиональной идентичности увеличивается ($Z = 21,12$, $p < 0,01$). Согласно результатам, полученным нами ранее [12], выраженность той или иной идентичности может

свидетельствовать о кризисном ее состоянии. Таким образом, к юношескому возрасту учащиеся начинают определяться со своим профессиональным будущим, что вызывает кризис данного компонента идентичности. Отметим также, что основной вклад в динамику учебно-профессиональной идентичности вносят именно юноши: выраженность данного компонента идентичности у них выше ($Z = 15,06$, $p < 0,01$).

Как и учебно-профессиональная идентичность, семейный компонент постепенно увеличивается с возрастом. При этом основной рост приходится на юношеский возраст: именно в этот период происходит его «взрывной» рост ($Z = 7,34$, $p < 0,01$ для семейной идентичности в целом).

Динамика таких компонентов идентичности, как деятельностный, коммуникативный и идентичность с неформальными группами, проявилась в следующем. Во-первых, отметим, что на ответы, описывающие склонность испытуемого к какому-либо занятию или делу (этот компонент идентичности мы вслед за Н. Л. Ивановой определили как «деятельностный» [6]), сколь-либо значимый процент приходится только у младших школьников. По нашему мнению, это связано с тем, что наиболее важным для идентичности младшего школьника является процесс обучения, обретения признания «посредством производства разных вещей и предметов». Младший школьник развивает у себя настойчивость, приспосабливается к неорганическим законам мира, орудий труда и может стать активной и заинтересованной единицей производственной ситуации [26].

Во-вторых, коммуникативный компонент идентичности доминирует у подростков ($Z = 17,34$, $p < 0,01$) и юношей ($Z = 20,55$, $p < 0,01$), где интимно-личностное общение является одной из ведущих деятельностей.

Наконец, идентичность с неформальными группами наиболее выражена у подростков ($Z = 19,11$, $p < 0,01$). По нашему мнению, этот специфический, выделяемый нами компонент, характеризующий принадлежность испытуемых к самым различным малым или плохо поддающимся формализации группам («геймер», «анимэшник» и т. п.), наиболее свойственен подросткам в связи с их потребностью ощущать себя членом различных неформальных групп.

Что касается других компонентов идентичности, то различия в них связаны только с этническим компонентом идентичности ($Z = 17,22$, $p < 0,01$): он проявляется у испытуемых подросткового возраста, а к юношескому возрасту практически исчезает. По нашему мнению, это может быть связано как с общей тенденцией испытуемых подросткового возраста описывать себя членами разнообразных групп, так и с тем, что исследование проводилось в регионе с моноэтническим населением.

По результатам повторного среза год спустя были выявлены следующие тенденции.

Во-первых, обнаружилось, что у испытуемых младшего школьного возраста произошло снижение личностного компонента идентичности (с 74,98% до 70,34%; $\varphi = 4,3$, $p < 0,01$). При этом не произошло пропорционального роста шкал, связанных с социальной идентичностью. Наоборот, произошло снижение по гендерному компоненту идентичности (с 6,06% до 4,28%; $\varphi = 2,98$, $p < 0,01$), по шкале, отражающей коммуникативную идентичность (с 2,15% до 1,13%; $\varphi = 3,13$, $p < 0,01$). При этом выросла доля учебно-профессиональной идентичности ($\varphi = 3,28$, $p < 0,01$), идентичности с неформальными группами ($\varphi = 2,8$, $p < 0,01$). Наиболее существенный рост пришелся на такой компонент идентичности, как деятельностная. Ее процентное содержание в общем числе всех самоописаний испытуемых выросло с 4,91% до 7,96% ($\varphi = 4,8$, $p < 0,01$), что составляет четверть всех самоописаний, относящихся к социальной идентичности.

Во-вторых, обнаружилось, что у подростков происходит рост гендерной идентичности: по сравнению с ранее полученными результатами она увеличилась с 3,82% до 5,1% ($\varphi = 2,47$, $p < 0,01$). Аналогичную динамику обнаружила учебно-профессиональная идентичность – она повысилась с 6,42% до 7,59% ($\varphi = 1,82$, $p < 0,05$). Такой компонент идентичности, как семейная идентичность, наоборот, снизился с 13,44% до 12,05% ($\varphi = 1,66$, $p < 0,05$). Происходит рост такого компонента идентичности, как «интегральная идентичность с малыми группами» – с 5,31% до 9,71% ($\varphi = 6,05$, $p < 0,01$).

Наконец, оказалось, что у испытуемых юношеского возраста сколь-либо значимых изменений в описании себя по сравнению с ранее полученными результатами не обнаружилось. Можно констатировать лишь рост доли ответов, приходящихся на личностную идентичность – до 62%.

На наш взгляд, тот факт, что наиболее значительные изменения в системе идентичности зафиксированы у младших школьников, объясняется следующими обстоятельствами. С одной стороны, ответы испытуемых по методике «Двадцать утверждений» становятся более дифференцированными, что отражает рост их самосознания. Если на первом этапе исследования ответы касались только принадлежности к определенному полу либо описания себя в каких-либо личностных качествах, то в дальнейшем младшие школьники стали использовать для самоописания более разнообразные понятия, связанные как с формальными, так и с неформальными группами, а также с собственной деятельностью. При этом уровень компонента «интегральная идентичность с малыми группами» возрастает как к окончанию младшего школьного возраста, так и к середине подросткового. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что на окончании начальной школы у младших школьников приходится кризисный этап, связанный с переходом в среднюю школу, а идентичность с малыми, прежде всего неформальными, группами является

отражением данного кризиса, его критерием. В свою очередь, на середину подросткового возраста приходится пик одноименного кризиса.

В целом, можно говорить о сохранении выявленной нами ранее [27] тенденции к возрастанию доли ответов испытуемых, приходящихся на социальную идентичность. С возрастом испытуемые все более склонны характеризовать себя в терминах гендерной, учебной, семейной идентичности, а также подчеркивать свое членство в неформальных группах. Последнее, по нашему мнению, отражает идентификацию испытуемыми себя с различными малыми группами, которые нельзя однозначно классифицировать. При этом, согласно нашим данным, рост данного компонента [28] указывает на выраженность кризиса идентичности.

Наоборот, у юношей по сравнению подростками наблюдается уменьшение процентной доли данного компонента социальной идентичности ($Z = 20,81$, $p < 0,01$). Происходит снижение и других компонентов социальной идентичности при одновременном росте процентной доли личностной идентичности ($Z = 18,26$, $p < 0,01$). Наряду с этим увеличивается и количество негативных самоописаний. Последнее обстоятельство противоречит зафиксированному по данным методики «Семантический дифференциал» снижению фактора, что связывается нами с ростом фактора «сложность». Возможно, это связано с тем, что негативные самоописания в юношеском возрасте отражают возросшую критичность к себе, к своей личности, а значит и ее большую зрелость.

Получается, что если у испытуемых подросткового возраста наибольшие изменения связаны с социальным компонентом идентичности (особенно в аспекте, касающемся неформальных групп), то у испытуемых юношеского возраста, наоборот, основные изменения связаны с личностным компонентом идентичности.

Обсуждение результатов

Прежде всего, в ходе эмпирического исследования мы обнаружили, что основная динамика в каждом из возрастов приходится на социальный компонент идентичности. Это не противоречит результатам других авторов. Так, по данным Т. В. Гармаевой [3], в младшем школьном возрасте дети в среднем дают 4–7 определений для самокатегоризации, среди которых доминируют субъективные характеристики (71,7%), а уже у подростков при увеличении общего числа самокатегоризаций (5–13) можно отметить доминирование объективных характеристик (82%) [3]. Согласно нашим результатам, хотя у подростков и преобладают компоненты социальной идентичности, однако предпосылка к этому возникает у младших школьников как раз на пороге перехода к подростковому возрасту [29].

Далее отметим все более возрастающую долю социального компонента идентичности при понижении уровня личностного у младших школьников и подростков. Аналогичная динамика наблюдалась как Z. Abdukeram et al., так и Ch. Tanti et al. Согласно результатам Z. Abdukeram, выраженность личностного компонента имеет тенденцию к снижению начиная с младшего школьного (63% от общего числа всех самокатегоризаций) до подросткового возраста (51% всех самокатегоризаций) [16], а вот выраженность социального компонента, наоборот, увеличивается. Аналогично Ch. Tanti и его коллеги фиксируют рост социальных самоописаний и снижение личностных на всем протяжении от младшего школьного к юношескому возрасту [17].

При этом следует отметить разницу в понимании структуры идентичности, используемую нами и применяемую в приведенных зарубежных исследованиях. Если мы, вслед за отечественными авторами, говорим о личностной и социальной идентичности, то, как Z. Abdukeram, так и Ch. Tanti используют трехкомпонентную модель (tripartite model), выделяя помимо личностного (individual) и социального (collective) компонентов идентичности еще и межличностный (relational) компонент, отражающий, по мнению данных авторов, отношения человека с его ближайшим окружением. Поэтому целиком сравнить полученные нами результаты с результатами зарубежных исследований затруднительно. Такой выделенный нами компонент идентичности, как интегральная идентичность с неформальными группами лишь отчасти совпадает с межличностным (relational) компонентом, о котором писали Z. Abdukeram и Ch. Tanti. А ведь именно динамика этого компонента идентичности, как показали результаты исследования, особенно велика в младшем школьном и подростковом возрастах, однако неизменна в юношеском. Можно предположить, что это связано с местом, которое занимает данная идентичность в подростковом возрасте. Возможно именно этот компонент, составляя вместе с другими межличностный аспект идентичности в ее трехкомпонентной модели, определяет своеобразие ее динамики, выявленное в зарубежных исследованиях. Согласно нашим прошлым данным [30], выраженность идентичности с неформальными группами может считаться критерием кризиса идентичности и воспринимается нами именно таковой.

Следует отметить рост выраженности личностной идентичности у юношей по сравнению с подростками. Можно предположить, что этот рост объясняется особым местом, которое, согласно нашим результатам, занимает личностная идентичность в юношеском возрасте, где возрастание числа описаний себя в качествах личности оказывается одним из признаков кризиса идентичности [7]. В пользу данного предположения говорит и то обстоятельство, что и у младших школьников и у подростков обнаружена положительная корреляция между шкалой «оценка» методики «Семантический дифференциал»

и положительной оценкой своей личностной идентичности. Исключением является юношеский возраст: там данная связь отсутствует, при том что выраженность соответствующего компонента идентичности возрастает. Оказывается, что высокая оценка себя по шкалам методики «Семантический дифференциал» перестает быть значимо связанной с приписываемыми себе положительными качествами. Это можно объяснить изменением их места и значения в рамках идентичности в целом.

Наконец, анализируя динамику различных компонентов социальной идентичности, можно отметить следующие особенности. С одной стороны, можно выделить компоненты, значительная выраженность которых сохраняется у испытуемых вне зависимости от их возраста. Среди них стоит отметить гендерную, семейную и учебно-профессиональную идентичности. С другой стороны, в каждом возрасте есть компонент идентичности, лучше всего данный возраст характеризующий. У младших школьников таким компонентом является деятельностная идентичность, у подростков – идентичность с неформальными группами, а также этническая идентичность.

Интересно отметить, что если гендерная идентичность с возрастом оказывается все менее выраженной, то наоборот, доля семейной идентичности увеличивается. Это противоречит результатам В. Л. Ситникова, согласно которому у младших школьников и подростков не выявлено значимых различий в структурах Я-образов по гендерным особенностям. На основании этого факта В. Л. Ситников предполагает, что отражение осознания своих гендерных особенностей у ребенка происходит существенно позже того, как эти особенности, во-первых, сформируются, и, во-вторых, будут осознаны [14]. По нашим же результатам, наоборот, значение гендерной идентичности для испытуемых с возрастом снижается.

Можно предположить, что такое расхождение вызвано неоднозначностью трактовки категории «гендерная идентичность»: в своем исследовании мы относили к ней описание испытуемым себя как представителя определенного пола, а В. Л. Ситников ведет речь о конкретных характеристиках, которые он относит к проявлениям маскулинности или фемининности.

Вместе с тем, полученные нами на выборке младших школьников данные полностью соответствуют тенденции, выявленной А. В. Микляевой и П. В. Румянцевой [4]. В их исследовании также обнаружено, что мальчики в среднем чаще, чем девочки, демонстрируют идентификацию с этническими и национальными ролями. Также, по данным В. А. Перегудиной, в младшем школьном возрасте структура гендерной идентичности еще более дифференцируется, осознается и систематизируется; усиливается потребность детей принадлежать к определенной гендерной группе, что приводит к усилению половой сегрегации [10].

Наконец, можно заключить, что наибольшая динамика идентичности оказалась свойственна младшим школьникам. По нашему мнению, это объясняется следующим. С одной стороны, в силу возрастных особенностей идентичность в данном возрасте является крайне лабильной и зависящей от оценки значимых взрослых. Этим можно объяснить выраженность личностного компонента: младшие школьники стараются выглядеть «хорошими» как в чужих, так и в собственных глазах. Поэтому максимально высокими оказываются и оценки по одноименной шкале методики «Семантический дифференциал».

С другой стороны, в младшем школьном возрасте социальный статус личности оказывается наиболее изменчив. Это и приводит к значительной динамике компонентов идентичности.

Однако, по нашему мнению, нельзя исключать и влияние фактора научения на полученный нами на выборке младших школьников результат. Так как в этом возрасте активно пополняется словарный запас, и совершенствуются навыки письма, младшие школьники спустя год после первого исследования, безусловно, могли описать себя, используя значимо большее число самоописаний. Данное обстоятельство, конечно, могло негативно повлиять на полученные результаты, а также на используемый способ их обработки. По нашему мнению, возможным способом разрешения данной проблемы может являться сопоставление конкретных самоописаний испытуемых, изучение их устойчивости и согласованности друг с другом.

Заключение

Полученные данные и их анализ позволяют заключить следующее:

- в период с младшего школьного до юношеского возраста оценка себя испытуемыми вне зависимости от их пола постепенно снижается. Одновременно испытуемые чаще описывают свою личность, как «сложную»;
- наибольшая изменчивость идентичности, измеренной при помощи методики «Семантический дифференциал», свойственна младшим школьникам. Это может быть связано как с ее нестабильностью вообще, так и значительной скоростью изменения социального статуса;
- наиболее выраженными компонентами социальной идентичности у младших школьников, подростков и лиц юношеского возраста являются гендерная, семейная и профессиональная идентичности. При этом если у лиц мужского пола преобладает этническая идентичность, то у испытуемых женского – полоролевая, семейная и профессиональная. Наконец, динамика полоролевой и семейной идентичности носит разнонаправленный характер: если первая с возрастом оказывается все менее выраженной, то вторая возрастает по мере взросления испытуемых;

– для младших школьников и подростков характерны возрастающий рост доли социального компонента идентичности и снижение доли ее личностного компонента;

– наибольшую динамику на всех трех возрастных группах демонстрирует такой компонент идентичности, как интегральная идентичность с малыми группами. У младших школьников и подростков доля данного компонента растет, у юношей – снижается. На наш взгляд, это связано с особенностями протекания кризиса идентичности на данных возрастных этапах. Можно предположить, что выделяемая нами интегральная идентичность с малыми группами определяет динамику межличностного компонента в трехкомпонентной модели идентичности (Z. Abdukeram, Ch. Tanti и др.).

Литература

1. *Кортаева А. И.* Динамика развития гендерной идентичности младших школьников // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – Том II (Психолого-педагогические науки), № 4. – С. 241–244.
2. *Богданова Н. А.* Психологические трудности развития Я-идентичности младших школьников : дисс. ... канд. психол. наук. – Тула, 2000. – 172 с.
3. *Гармаева Т. В.* Особенности этнической идентичности младших школьников и подростков, проживающих в мегаполисе // Психологические исследования: электронный научный журнал. – 2010. – № 2 (10). – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n2-10/310-garmaeva10.html>
4. *Микляева А. В., Румянцева П. В.* Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования : монография. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – 118 с.
5. *Беляева Е. В.* Психолого-педагогическое воздействие сказки на формирование этнической идентичности младших школьников : дисс. ... канд. психол. наук. – Курск, 2005. – 204 с.
6. *Калинина О. Г., Холмогорова А. Б.* Влияние образа отца на эмоциональное благополучие и полоролевую идентичность подростков // Вопросы психологии. – 2007. – № 1. – С. 15–26.
7. *Кузьмин М. Ю.* Кризис идентичности и его связь с жизнестойкостью у студентов : дисс. ... канд. психол. наук. – СПб., 2012. – 190 с.
8. *Иванова Н. Л., Мазилова Г. Б.* Изменения этнической и гражданской идентичности в новых общественных условиях // Вопросы психологии. – 2008. – № 2. – С. 83–93.
9. *Иванова Н. Л., Кулаева Е. В.* Самоопределение женщин с различными типами гендерной идентичности // Вопросы психологии. – 2011. – № 1. – С. 106–115.

10. *Перегудина В. А.* Особенности становления мужской и женской гендерной идентичности в возрастном диапазоне от старшего дошкольного до юношеского возраста : дисс. ... канд. психол. наук. – Белгород, 2011. – 239 с.
11. *Флотская Н. Ю.* Психологические особенности развития половой идентичности в дошкольном возрасте // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 3. – С. 147–152.
12. *Worrell F. C.* Social identities in School Psychology Research and Practice: a Call to Action // XII CONPE – Congresso nacional de psicologia escolar e educacional; 37-th ISPA Conference «Escolas para Todos: politicas Publicas e Praticas dos Psicologos». – Sao Paulo : Universiadade Presbiteriana Mackenzie, 2015. – P. 119.
13. *Kroger J.* The role of historical context in the identity formation process of late adolescence // Youth and Society. – 1993. – Vol. 24, № 4. – P. 363–376.
14. *Ситников В. Л.* Образ ребенка в сознании детей и взрослых : монография. – СПб. : Химиздат, 2001. – 288 с.
15. *Савина О. О.* Психологический анализ становления идентичности в подростковом и юношеском возрасте : дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2003. – 179 с.
16. *Abdukeram Z., Mamat M., Lou W., Wu Y.* Influence of culture on tripartite self-concept development in adolescence: a comparison between Han and Uyghur cultures // Psychological Reports: Sociocultural Issues in Psychology. – 2015. – Vol. 116, № 1. – P. 292–310. – DOI: 10.2466/17.07.PR0.116k12w8
17. *Tanti Ch., Stukas A. A., Halloran M. J., Foddy M.* Tripartite Self-concept Change: Shifts in the Individual, Relational, and Collective Self in Adolescence // Self and Identity. – 2008. – Vol. 7, № 4. – P. 360–379. – DOI: 10.1080/15298860701665081
18. *Cockerham W. S.* Open School vs. Traditional School: Self-Identification among Native American and White Adolescents // Sociology of Education. – 1976. – Vol. 49. – P. 164–169.
19. *Madson L., Trafimow D.* Gender comparison in private, collective and allocentric selves // Journal of Social Psychology. – 2001. – Vol. 141, Issue 4. – P. 551–559.
20. *Khanlou N.* Cultural Identity as Part of Youth's Self-Concept in Multicultural Settings // International Journal of Mental Health & Addiction. – 2005. – Vol. 3, Issue 2. – P. 1–14.
21. *Абдуллаева М. М.* Профессиональная идентичность личности: психосемантический подход // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25, № 2. – С. 86–95.

22. Carroll E., Coetzer R. Identity, grief and self-awareness after traumatic brain injury // *Neuropsychological Rehabilitation*. – 2011. – Vol. 21, № 3. – P. 289–305. – DOI: 10.1080/09602011.2011.555972
23. Zevin J. Perceptions of National Identity: How Adolescents in the United States and Norway View Their Own and Other Countries // *Social Studies*. – 2003. – Vol. 94, № 5. – P. 227–231.
24. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. – СПб.: Питер, 2005. – 2-е изд., доп. – 480 с.
25. Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. – М.: Новый хронограф, 2010. – 440 с.
26. Эриксон Э. Детство и общество / пер. с англ. – СПб.: Речь, 2000. – 276 с.
27. Кузьмин М. Ю. Динамика идентичности в подростковом возрасте // *Известия ИГУ. Серия «Психология»*. – 2015. – Т. 13. – С. 25–35.
28. Кузьмин М. Ю. Категоризация себя при помощи качеств личности как критерий кризиса идентичности у подростков и юношей // *Преемственность психологической науки в России: традиции и инновации. Сборник материалов 2-й Международной научно-практической конференции, посвященной истории психологической науки, психологического образования и 90-летию кафедры психологии РГПУ им. А. И. Герцена*. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. – 312 с. – С. 153–157.
29. Кузьмин М. Ю. Сравнение идентичности младших школьников, подростков и лиц юношеского возраста // *Сибирский психологический журнал*. – 2015. – № 58. – С. 61–75. – DOI: 10.17223/17267080/58/4
30. Кузьмин М. Ю. Особенности динамики идентичности младших школьников, подростков и лиц юношеского возраста // *Сибирский психологический журнал*. – 2016. – № 62. – С. 54–66. – DOI: 10.17223/17267080/62/5

References

1. Korotaeva A. I. The dynamics of gender identity in junior schoolchildren. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2011, V. 2 (Psychological and Pedagogical Sciences), no. 4, pp. 241–244 (in Russian).
2. Bogdanova N. A. *Psihologicheskie trudnosti razvitiya Ja-identichnosti mladshih shkol'nikov* [Psychological challenges for the development of self-identity in junior schoolchildren]. Diss. Cand. Sci. (Psych.). Tula, 2000. 172 p.
3. Garmaeva T. V. Features of ethnic identity in primary schoolchildren and teenagers living in the city. *Psychological Research*, 2010, no. 2 (10). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n2-10/310-garmaeva10.html>
4. Mikljaeva A. V., Rumjanceva P. V. *Social'naja identichnost' lichnosti: sodержanie, struktura, mehanizmy formirovaniya* [The person's social identity: The content, structure, mechanisms of formation]. St. Petersburg, RSPU Publ., 2008. 118 p.

5. Beljaeva E. V. *Psihologo-pedagogicheskoe vozdejstvie skazki na formirovanie jetnicheskoi identichnosti mladshih shkol'nikov* [Psychological and pedagogical influence of fairy tales on junior schoolchildren's ethnic identity]. Diss. Cand. Sci. (Psych.). Kursk, 2005. 204 p.
6. Kalinina O. G., Holmogorova A. B. The influence of the father image on teenagers' emotional well-being and gender-role identity. *Voprosy psikhologii*, 2007, no. 1, pp. 15–26 (in Russian).
7. Kuzmin M. Y. *Krizis identichnosti i ego svjaz' s zhiznestojkost'ju u studentov* [An identity crisis and vitality in students]. Diss. Cand. Sci. (Psych.). St. Petersburg, 2012. 190 p.
8. Ivanova N. L., Mazilova G. B. Changes in ethnic and civil identity in the new social environment. *Voprosy psikhologii*, 2008, no. 2, pp. 83–93 (in Russian).
9. Ivanova N. L., Kulaeva E. V. Self-determination of women with different gender identity types. *Voprosy psikhologii*, 2011, no. 1, pp. 106–115 (in Russian).
10. Peregudina V. A. *Osobennosti stanovlenija muzhskoj i zhenskoi gendernoi identichnosti v vozrastnom diapazone ot starshego doskol'nogo do junosheskogo vozrasta* [Features of male and female gender identity formation in the age from the late pre-school age to adolescence]. Diss. Cand. Sci. (Psych.). Belgorod, 2011. 239 p.
11. Flotskaja N. Ju. Psychological features of the development of gender identity in preschool age. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, 2011, no. 3, pp. 147–152 (in Russian).
12. Worrell F. C. Social identities in school psychology research and practice: A call to action. XII CONPE. Congresso nacional de psicologia escolar e educacional. *37-th ISPA Conference «Escolas para Todos: politicas Publicas e Praticas dos Psicologos»*. Sao Paulo: Universiadade Presbiteriana Mackenzie, 2015, p. 119.
13. Kroger J. The role of historical context in the identity formation process of late adolescence. *Youth and Society*, 1993, V. 24, no. 4, pp. 363–376.
14. Sitnikov V. L. *Obraz rebenka v soznanii detej i vzroslyh* [The image of the child in children and adults' consciousness]. St. Petersburg, Himizdat Publ., 2001. 288 p.
15. Savina O. O. *Psihologicheskij analiz stanovlenija identichnosti v podrostkovom i junosheskom vozraste* [A psychological analysis of identity formation in adolescence]. Diss. Cand. Sci. (Psych.). Moscow, 2003. 179 p.
16. Abdukeram Z., Mamat M., Lou W., Wu Y. Influence of culture on tripartite self-concept development in adolescence: a comparison between Han and Uyghur cultures. *Psychological Reports: Sociocultural Issues in Psychology*, 2015, V. 116, no. 1, pp. 292–310. DOI: 10.2466/17.07.PR0.116k12w8

17. Tanti Ch., Stukas A. A., Halloran M. J., Foddy M. Tripartite self-concept change: Shifts in the individual, relational, and collective self in adolescence. *Self and Identity*, 2008, V. 7, no. 4, pp. 360–379. DOI: 10.1080/15298860701665081
18. Cockerham W. S. Open School vs. traditional school: self-identification among native American and white adolescents. *Sociology of Education*, 1976, V. 49, pp. 164–169.
19. Madson L., Trafimow D. Gender comparison in private, collective and allo-centric selves. *Journal of Social Psychology*, 2001, V. 141, Issue 4, pp. 551–559.
20. Khanlou N. Cultural identity as part of youth's self-concept in multicultural settings. *International Journal of Mental Health & Addiction*, 2005, V. 3, Issue 2, pp. 1–14.
21. Abdullaeva M. M. The person's professional identity: The psycho-semantic approach. *Psihologicheskij zhurnal – Psychological Journal*, 2004, V. 25, no. 2, pp. 86–95 (in Russian).
22. Carroll E., Coetzer R. Identity, grief and self-awareness after traumatic brain injury. *Neuropsychological Rehabilitation*, 2011, V. 21, no. 3, pp. 289–305. DOI: 10.1080/09602011.2011.555972
23. Zevin J. Perceptions of national identity: How adolescents in the United States and Norway view their own and other countries. *Social Studies*, 2003, V. 94, no. 5, pp. 227–231.
24. Petrenko V. F. *Osnovy psihosemantiki* [Fundamentals of psycho-semantics]. St. Petersburg, Piter Publ., 2005. 480 p.
25. Petrenko V. F. *Mnogomernoe soznanie: psihosemanticheskaja paradigma* [Multidimensional consciousness: The psycho-semantic paradigm]. Moscow, Novyj hronograf Publ., 2010. 440 p.
26. Erikson E. *Childhood and society* [Russ. ed.: Jerikson Je. *Detstvo i obshchestvo*. St. Petersburg, Rech' Publ., 2000. 276 p.].
27. Kuzmin M. Y. The dynamics of identity in adolescence. *Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta – Bulletin of Irkutsk State University*, 2015, V. 13, pp. 25–35 (in Russian).
28. Kuzmin M. Y. Kategorizacija sebja pri pomoshhi kachestv lichnosti kak kriterij krizisa identichnosti u podrostkov i junoshej [Self-categorization by means of personality traits as a criterion of identity crisis in adolescents and young men]. *Sbornik materialov 2-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashhennoj istorii psihologicheskoy nauki, psihologicheskogo obrazovanija i 90-letiju kafedry psihologii RGPU im. A. I. Gercena "Preemstvennost' psihologicheskoy nauki v Rossii: tradicii i innovacii"* [Proc. the 2nd International Theoretical and Practical Conference dedicated to the history of psychological science, psychological education, and the 90th anniversary of the department of psychology, Herzen State Pedagogical University "Conti-

- nunity of Psychology in Russia: Traditions and innovations”]. St. Petersburg, RSPU Publ., 2015, pp. 153–157.
29. Kuzmin M. Y. Comparing identity in junior schoolchildren, teenagers, and adolescents. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2015, no. 58, pp. 61–75 (in Russian). DOI: 10.17223/17267080/58/4
30. Kuzmin M. Y. Features of the dynamics of identity in junior schoolchildren, teenagers, and adolescents. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2016, no. 62, pp. 54–66 (in Russian). DOI: 10.17223/17267080/62/5